

без непосредственного (в русском оригинале) знакомства с трудами российских ученых. В глухом занавесе (*rossica et neo-graeca non leguntur*), отделявшем западную науку от русской (последнюю от западной он никогда не отделял), появился просвет...

Уместно подчеркнуть именно здесь, что все последующие, новые и новейшие концепции эволюции аграрных отношений в Византии, включая последние дискуссии о континуитете и дисконтинуитете, представляют собой в сущности сплошь и рядом лишь либо уточнение, дополнение и развитие, либо опровержение концепции Васильевского. Более того, связь с нею представлений советских ученых об аграрном строе Византии гораздо более прочная, чем они сами желали это обнаружить. Дежурно-самоохранительные и никак уже тогда на исследовательском процессе не отражавшиеся реплики в отношении Васильевского: “буржуазный ученый”, “идеализировал монархию”, “не видел в классовой борьбе движущей силы истории” и т.п. – ровно ничего не означали и не мешали ни заимствовать, ни развивать идеи ученого. Западные оппоненты долго и остро критиковали советских византинистов-аграрников за их “марксистские” пристрастия там, где имело место в действительности развитие или продолжение старой российской традиции в сфере социально-экономической истории. Даже теперь, когда вновь обнаружилась тенденция почти тотально противопоставить средневековый аграрный строй Запада византийскому и доказать, что парикия не более чем частный случай аренды, следовало бы опровергать не “феодалистов-марксистов”, а Василия Григорьевича: это он первый, тщательно интерпретируя новеллы императоров Македонской династии, “ввел всех в заблуждение”, не заметив, что новеллы видимо, попросту следствие неоправданной столетней паники слабонервных василевсов, начиная с Романа I Лакапина и кончая Василием II Болгаробойцей...

Заметим в скобках, что к чести советских византинистов, работавших даже в самую тревожную “идейно-истерическую” пору, и упомянутые выше реплики по адресу Васильевского были редкостью: имя его в научных работах неизменно упоминалось с большим уважением⁶⁵.

Постоянное внимание Васильевский уделял, как уже говорилось, источниковедческим штудиям: этот аспект исследований характерен для всех его трудов, посвящал он ему и специальные работы, много переводил, озабоченный явной необходимостью ознакомить специалистов по древнерусской истории с недоступными для них (греческий язык!) византийскими источниками. Так, донныне признанным остается вывод Васильевского, что жития, известные под именем Симеона Метафраста (Магистра и Логофета), и “Хроника Логофета” написаны одним автором (решить вопрос помогли славянские списки хроники, нередко более исправные, чем греческие)⁶⁶. Ученый показал также, что часть хроники “Продолжателя Амартола” (с 842 по 948 г.) целиком заимствована из “Хроники Логофета” и не имеет значения самостоятельного источника⁶⁷, как и компиляция (из Логофета) Льва Грамматика, которая к тому же уступает по точности компиляции Феодосия Мелитинского⁶⁸.

Среди публикаций Васильевским новых источников исключительное место занимает, несомненно, издание по единственной рукописи (Московская синодальная библиотека – № 298/436), крупного памятника, принадлежащего перу автора XI в. Кевкамена. Сначала Васильевский издал лишь около половины памятника в русском

⁶⁵ Кстати говоря, завершение публикации собрания его трудов Академией наук СССР (т. IV) датируется 1930 г.

⁶⁶ *Васильевский В.Г.* О жизни и трудах Симеона Метафраста // ЖМНП. 1880. Ч. 212; *Он же.* Хроника Логофета на славянском и греческом // ВВ. 1895. Т. II. Вып. 1-2; *Он же.* Синодальный кодекс Метафраста // ЖМНП. 1897. Ч. 311.

⁶⁷ *Васильевский В.Г.* Хроника Логофета... С. 98, 138.

⁶⁸ Там же. С. 129–132, 135–136.